

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ INTELLIGENCE IN MODERN SOCIETY

Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 52—77.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 2. P. 52—77.

Научная статья

УДК 821.161.1.09(571.6)"1990/2000"

DOI: 10.46725/IW.2022.2.3

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В РОССИИ 1990—2000-х гг. В ЗЕРКАЛЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Елена Сергеевна Волкова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток, Россия, elenavolkova1@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6130-0299>

Аннотация. Перестройка дала старт новому этапу взаимодействия общества и власти в стране. Интеллигенция, в том числе художественная, выступала застрелщиком перемен, поэтому рефлексия литераторов на происходившие события и процессы, безусловно, заслуживает внимания. Предметом анализа выступают прозаические и поэтические произведения дальневосточных литераторов, созданные преимущественно в 1990—2000-х гг. Автор ставит задачи выявить основные практики взаимодействия общества и власти, которые нашли отражение в художественных текстах, определить отношение дальневосточных литераторов к этим практикам и к власти в целом, соотнести эти оценки

© Волкова Е. С., 2022

с преобладающим общественным мнением. В процессе исследования использовался дискурс-анализ, исторический синтез, системно-структурный, сравнительный и социально-психологический методы.

Анализ литературных произведений показывает, что «демократический романтизм» рубежа 1980—1990-х гг. быстро сменяется разочарованием, поскольку демократические институты оказались не в состоянии обеспечить реализацию важнейших потребностей жителей региона: определяющую роль сыграли резкое падение уровня жизни большинства населения, разрушение социальной инфраструктуры, рост преступности. Сporадические всплески политической активности не приносят результата, укрепляя дальневосточников в убеждении: отстаивать свои интересы с помощью классических демократических институтов и практик очень сложно, практически невозможно. В итоге значительная часть граждан и вовсе отказывается вступать в диалог с властью и «голосует ногами», покидая регион. Художественные тексты демонстрируют критический настрой дальневосточных писателей по отношению к власти и действующим демократическим институтам, связанный в том числе с падением благосостояния и общественного статуса провинциальной творческой интеллигенции в постсоветский период. Позиция литераторов, в общем и целом, отражает мнение широких слоёв населения, согласуясь с данными соцопросов и заключениями целого ряда исследователей.

Ключевые слова: Дальний Восток России, 1990-е, 2000-е, постсоветский период, демократия, общество и власть, гражданское участие, художественная литература, художественная интеллигенция

Для цитирования: Волкова Е. С. Взаимодействие общества и власти в России 1990—2000-х гг. в зеркале дальневосточной художественной литературы // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 52—77.

INTERACTION BETWEEN THE SOCIETY AND THE AUTHORITIES IN RUSSIA IN THE 1990—2000s IN THE MIRROR OF FAR EASTERN FICTION

Elena S. Volkova

Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the RAS, Vladivostok, Russia, elenavolkova1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6130-0299>

Abstract. Perestroika marked the beginning of a new stage in the interaction of society and the authorities, the formation of Western-style democratic institutions is underway in the country. The intelligentsia, including the artistic one, initially acted as the instigator of change, the reflection of writers on the events and processes taking place in the country certainly deserves attention. The subject of analysis is the prose and poetic works of the Russian Far Eastern writers, created mainly in the 1990—2000s. The author seeks to identify the main democratic institutions and practices of civic participation, which are reflected in literary texts, and specific features of the interaction of society and government in the Far Eastern region, to determine the attitude of writers to “democracy in Russia”, to establish how these assessments relate to the prevailing public opinion. The research used discourse analysis, historical synthesis, system-structural, comparative and socio-psychological methods.

Analysis of works of art shows that “democratic romanticism” at the turn of the 1980—1990s quickly gives way to disappointment, because the institutions and practices traditional for Western democracies were unable to meet the most important needs of residents of the region. The sharp drop in the living standards of majority of the population and the rise in crime undermined confidence in post-Soviet democracy. Sporadic bursts of political activity do not bring results, strengthening the Far Easterners in the conviction that it is very difficult, almost impossible, to defend their interests with the help of classical democratic institutions and practices. As a result, a significant part of the citizens does not want to enter into a dialogue with the authorities, which, in their opinion, are unable to act as an adequate counterpart. The position of writers in general reflects the opinion of broad strata of the population, consistent with the data of opinion polls and the conclusions of a number of researchers.

Keywords: Russian Far East, 1990s, 2000s, post-Soviet period, democracy, society and authority, civic participation, fiction, artistic intelligentsia

For citation: Volkova, E. S. (2022), ‘Interaction between the society and the authorities in Russia in the 1990—2000s in the mirror of far eastern fiction’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 52—77 (in Russ.).

Введение

Актуальность. С момента распада СССР и начала нового периода в истории России минуло тридцать лет, но результаты радикальных рыночных реформ до сих пор, в общем и целом, определяют ткань социальной реальности. В то же время надо признать, что за три десятилетия наша страна прошла определенный пореформенный путь, что дает уже возможность историкам производить научный анализ событий и процессов конца XX — начала XXI в. Дальний Восток, двигаясь в русле общероссийских процессов, тем не менее имел свою специфику, во многом обусловленную географическим положением региона и его предшествующей историей.

Интеллигенция, в том числе художественная, с «перестроечных» лет выступала застрельщиком перемен, и рефлексия литераторов на происходящие в стране события и процессы, безусловно, заслуживает внимания. С. Г. Кара-Мурза называет интеллигенцию главным субъектом легитимизации в современном обществе (по М. Веберу, легитимность является непременным условием устойчивости власти) [Кара-Мурза, 2012: 11—13]. Предметом анализа в данном исследовании выступают поэтические и прозаические произведения дальневосточных авторов, созданные преимущественно в 1990—2000-х гг.¹ По Ю. М. Лотману, художественный текст является конденсатором культурной памяти и генератором

¹ Использовано также несколько произведений, увидевших свет в 2010-х гг. (однако описанные в них события относятся к интересующему нас периоду — 1990—2000-м гг.).

смыслов, не только осваивая окружающую действительность, но в конечном итоге и воздействуя на нее [Лотман, 2002: 189—190].

Постановка вопроса. Все упоминаемые в статье литераторы пишут о современных им событиях и процессах, и главная ценность художественных произведений как исторического источника заключается в том, что они создают «эффект погружения» в интересующую нас эпоху вместе с ее повседневными структурами. Не претендуя на фактическую точность в изложении событий, происходивших в конкретное время в конкретном месте (а порой даже используя метод магического реализма), писатели-современники *volens-nolens* транслируют дух эпохи, социально-исторические типы поведения и образ мышления, что при анализе взаимоотношений общества и власти представляется особенно важным. Художественная литература, по меткому замечанию исследователя А. К. Соколова, обладает способностью «улавливать существующие в обществе настроения задолго до того, как они будут систематизированы и сделаны явно выражеными на языке науки» [Соколов, 2002: 63].

Задачи настоящего исследования — выявить основные практики взаимодействия общества и власти, которые нашли отражение в художественных текстах, определить отношение дальневосточных литераторов к этим практикам и к власти в целом, попытаться соотнести эти оценки с преобладающим общественным мнением.

Методология и методы. После ликвидации цензуры в перестроечный период литераторы были избавлены от необходимости использовать эзопов язык, иносказания и намеки, тем не менее, не вся интересующая нас информация лежит на поверхности. Автор зачастую не вдается в подробности и не комментирует то, что считает общеизвестным и само собой разумеющимся для современников. Свое отношение к демократическим институтам и практикам он может выражать прямо или опосредованно (через сюжет, через лирического героя, через образы и символы своего времени и пр.). Работая с художественными текстами, исследователю приходится неоднократно «настраивать» и «перенастраивать» оптику, привлекать дополнительные источники и справочные материалы. В то же время, по словам Ю. Н. Ковалевской, при изучении недавнего прошлого анализировать источники историку все же проще,

чем при обращении к «преданьям старины глубокой», поскольку здесь он обладает опытом «включенного наблюдения» [Ковалевская, 2011: 69].

В процессе исследования использовался дискурс-анализ, исторический синтез, системно-структурный, сравнительный и социально-психологический методы. Как справедливо отмечает Х.-Г. Гадамер, «отдельные тексты вместе с другими источниками и свидетельствами объединяются для историка в единство предания в целом. Единство этого целого и есть его подлинный герменевтический предмет» [Гадамер, 1988: 401].

Основная часть

«...А мы считали, что Свобода всего нужней, всего важней»

В позднесоветский период основными формами взаимодействия общества и власти выступали обращения в партийные и советские органы, в средства массовой информации, были и дополнительные способы обратной связи, но при апеллировании к власти граждане чаще всего ограничивались жилищной и социально-бытовой тематикой [Коняхина, 2014: 44]. Новый этап начинается в конце 1980-х гг., в эпоху перестройки, когда стремительно расширяется спектр обсуждаемых вопросов и формируется запрос на такие, традиционные для западных демократий, формы гражданской активности, как участие в выборах на альтернативной основе, референдумах, акциях прямого действия (митингах, пикетах, забастовках и т. п.), работа в общественных организациях и политических партиях, подписание петиций, возвзаний и т. д.

Определяющей характеристикой в восприятии обществом этого периода становится *свобода*, широкие слои населения приходят в состояние эйфории. Социолог В. В. Петухов использует для характеристики общественных настроений конца 1980-х — начала 1990-х гг. понятие «демократический романтизм» [Петухов, 2012: 55]. «Ликуйте — ослаблены гайки! / И винтикам сладко скрипеть, / Не веря, что призрак нагайки / Посмеет над ними взлететь», — иронизирует по этому поводу сахалинский писатель В. В. Семенчик [Семенчик, 2015: 108].

Интерес к демократическим процедурам и политическим баталиям в начале девяностых зашкаливал, в этот период политика и политики становятся неотъемлемой частью повседневной жизни и непременной темой разговоров в семье, при общении с друзьями, соседями, коллегами, случайными знакомыми... Герои литературных произведений дальневосточных авторов с жаром обсуждают программы политических партий и независимые СМИ, свою собственную политическую деятельность и «посуделки в Кремле», кто-то «Борю Ельцина хает на чём свет стоит» [Гребенюков, 1999b: 46], а кто-то поднимает за него тост. Лирическая героиня владивостокского автора Т. В. Тутубалиной рассказывает о встрече с подругами: «*Мы в такой азарт вошли! Друг друга перебиваем, свои политические проекты излагаем, Думу недобрым словом помянули. Сцепились из-за Немцова... И тут Ленка... захныкала: “Девочки, да вы что, с ума посходили? Ну сколько можно об этой ерунде!..” Мы на скаку остановились, отышались, волосы в порядок привели. Потом как давай хохотать. Ну, смотрите, до чего страну довели! Где же это видано: девчонки, за бутылкой, два часа о политике дискутируют. Ужас!*» [Тутубалина, 2007: 37].

Исследователи постсоветской истории Дальнего Востока сходятся в том, что в 1990-е гг. одной из важнейших проблем, которая определяла политическую повестку, было взаимодействие с федеральным центром. Политика Москвы в отношении дальневосточных территорий воспринималась местным населением как колониальная — подобные оценки в изобилии представлены в художественных произведениях. «*Всё где-то там, столицы около, / А здесь — ни денег, ни руля. / Во мгле — провинция далёкая / Полухолопская земля*», — констатирует приамурский поэт Г. П. Шумейко². Литераторы транслируют чувство брошенности, которое испытывают дальневосточники в постсоветский период, связанное с забвением их интересов и невниманием федерального центра к проблемам отдаленного региона. «...*Куда оно подевалось — это Отечество?* — задается вопросом бывший авиастроитель в повести хабаровского прозаика А. В. Гребенюкова. — *Ведь*

² Шумейко Г. Дальневосточная империя // Зейские огни. 2000. 15 нояб.

совсем перестало заботиться о своих дочерях и сыновьях» [Гребенюков, 1999b: 16]. Ту же мысль выражает и владивостокский поэт А. В. Бочинин, используя более жесткий образ: «*Нас до третьего сорта / Всех реформа истискала. / Все мы жертвы аборта / Государства российского»³.*

Если на рубеже 1980-х—1990-х гг. гражданскую активность инициировали экологические, приграничные вопросы, проблемы межэтнического взаимодействия и положения коренных малочисленных народов, вопросы законодательного упорядочения льгот для граждан, проживающих в районах Крайнего Севера, борьба с номенклатурными привилегиями, требования гласного обсуждения проектов развития региона, то уже через несколько лет на первое место выходят проблемы снижения уровня жизни и роста преступности [Коняхина, 2014: 45—47]. Статистические данные свидетельствуют, что с началом рыночных реформ Дальний Восток оказался в более тяжелой социально-экономической ситуации, чем другие регионы страны, и показатели дифференциации доходов населения, как и показатели преступности, здесь стабильно превышали среднероссийские⁴, население региона быстро сокращалось [Мотрич, 2009: 47—67].

«Ax, как нас любят раз в четыре года дерущиеся клоуны за власть»

Самым простым и доступным способом участия в политической жизни страны были выборы, и введение принципа альтернативности, безусловно, способствовало электоральной активности населения, но только на начальном этапе. Так называемые избирательные технологии, как «белые», так и «черные», уже в первые постсоветские годы становятся известны широким слоям населения, и в начале 2000-х исследователи констатируют, что электоральная активность россиян от выборов к выборам снижается [Петухов, 2003: 8].

³ Поэт-изгой Анатолий Бочинин // Для тебя. Христианская газета. URL: <http://www.foru.ru/slovo.10054.1.html> (дата обращения: 29.02.2020).

⁴ Преступность и правонарушения (1990—1994): стат. сб. М.: Росстат, 1995; Преступность и правопорядок в России: статистический аспект. М.: Росстат, 2003.

Простые избиратели быстро усвоили, что перед выборами представители власти не принимают непопулярных решений — иначе на новый срок не переизберут. Хабаровский автор Г. Г. Ходжер описывает типичную историю из девяностых с повышением цен на бензин, не состоявшимся перед выборами благодаря президентскому указу, но случившимся в аккурат после выборов, где победил тот самый президент [Ходжер, 2011: 213]. Владивостокский писатель Л. Н. Князев рассказывает о том, как вышло «шоковое постановление» о запрете правого руля, которое не успело вступить в действие: *«Один — приказал, но тут близко — выборы, и другой отменил. И мы ему... похлопали. И проголосовали»* [Князев, 1996: 130]. Судя по всему, речь идет о постановлении правительства, которое было подписано премьер-министром В. С. Черномырдиным в марте 1993 г. и вызвало протестные акции на Дальнем Востоке. В это время шла подготовка к всероссийскому референдуму, который должен был состояться 25 апреля 1993 г., и чиновники из окружения президента Б. Н. Ельцина посоветовали ему не накалять обстановку в регионе, чтобы не потерять голоса дальневосточников, поэтому мартовское постановление было отменено. Но после того как избиратели сделали «правильный» выбор, отмечает Князев, вышли новые таможенные правила, удорожающие и затрудняющие импорт подержанных «японок» [Князев, 1996: 130].

В романе В. В. Семенчика ушлый консультант уговаривает действующего мэра «подыграть» более сильному кандидату за двадцать процентов от расходов на предвыборную кампанию, намекая, что у него самого мало шансов избраться на новый срок: *«Хотите, я найду в архиве ваши листовки четырёхлетней давности, вы вспомните, что народу сулили... Много ли выполнено? Думаете, конкуренты этим не воспользуются?»* [Семенчик, 2016: 173].

Для кандидата, пользующегося поддержкой населения, но неискушенного в пресловутых избирательных технологиях, вероятность одержать победу невелика, заключает уроженец Чукотки Ю. С. Рытхэу. Его герой Михаил Меленский принимает решение баллотироваться на должность главы администрации района. *«Что у рухнувшего, что у нынешнего непонятного образования, которое продолжало называть себя государством Россия, простой человек*

стоял на последнем месте. Выходит, надо самим браться за жизнь, поднимать людей на защиту собственных прав, как это сделали аборигены Аляски», — рассуждает Меленский [Рытхэу, 2002: 283—284]. «Не без труда» зарегистрировавшись кандидатом, он становится опасным соперником для кандидата от партии власти. Далее автор приводит циничный диалог чукотского губернатора Базарова и его протеже незадолго до выборов:

— *Боюсь, что ни бесплатный буфет, ни раздача гуманитарной помощи не помогут. Выльют, заберут продукты, а голоса отдадут Меленскому.*

— *Вот дикари, дикари и есть! — губернатор добавил несколько матерных слов. — ...Остаётся только одно... По закону, если ты снимешь свою кандидатуру, выборы не могут состояться. Демократические выборы могут быть только альтернативными...*

— *Но это, как говорится, будет шито белыми нитками.*

— *Много у нас чего шито белыми нитками, — жестко проговорил Базаров. — Но это мало кого волнует. Так что действуй! [Рытхэу, 2002: 290].*

Разумеется, о доверии к подобным «демократическим» процедурам говорить трудно, неудивительно, что они часто становятся объектом насмешек и анекдотов. В рассказе владивостокского прозаика Т. Ф. Алёшиной на экране телевизора появляется кандидат, который «обещает каждой бабе по непьющему мужу, а на тюрьме повесил свой портрет и лозунг: «Я пришел дать вам волю!» [Алёшина, 2001: 113]. Магаданский поэт А. А. Пчёлкин называет прошедший референдум комедией [Пчёлкин, 2000: 50]. В новом столетии социологи констатируют, что в российском обществе наличествует «значительная часть граждан, которая в принципе отвергает легитимацию власти через выборные процедуры», выражая свое политическое недовольство даже не через протестное голосование, а через неучастие в выборах [Петухов, 2012: 49]. По данным соцопросов Института социологии Российской академии наук (ИС РАН), только 20 % респондентов в 2001 г. считали участие в выборных кампаниях и референдумах эффективным способом воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов (заметим в скобках,

что этот способ получил больше всего голосов опрошенных, остальные набрали еще меньше) [Петухов, 2012: 53].

«Ах, как нас любят раз в четыре года / Дерущиеся клоуны за власть», — иронизирует Г. П. Шумейко⁵. В конце концов, подобная периодичность в проявлении «любви к народу» приводит к тому, что местное сообщество традиционно активизируется перед выборами, справедливо полагая, что хоть какую-то часть актуальных проблем городского микрорайона (или населенного пункта, если речь идет о сельской местности) можно решить, обратившись к кандидатам: как правило, они демонстрируют готовность направить на эти цели часть средств, припасенных для проведения избирательной кампании.

«То Жириновский кричит, то Явлинский шепчет»

В первые постсоветские годы страна переживала бум партийного строительства, неразрывно связанный с поиском ее гражданами новых идентификаций, поскольку прежние были утрачены. По мнению социолога Л. Г. Ионина, формировавшиеся в большом количестве «так называемые политические партии имели на самом деле не политический, а культурный характер. Воспроизводились внешние атрибуты демократической партийной политики... Но при этом программные документы большинства партий... по существу не отличались друг от друга... Эти партии не представляли чьих-то социальных интересов, наоборот, они были объединениями людей, собравшихся в поисках идентификации» [Ионин, 2000: 244—245]. Отражением этого поиска явились, например, строки хабаровского поэта И. Сувида: «*Вступайте в партию поэтов: / Она — в подполье, но жива!*» [Сувид, 1995: 149].

В 1990-е гг., по словам исследователя Е. В. Буянова, партии становятся привычным элементом общественно-политического пейзажа страны, но при этом не оказывают ощутимого влияния на процесс принятия решений ни на федеральном, ни на региональном уровнях, и широкие слои населения, похоже, не строят иллюзий относительно эффективности этого института [Буянов, 2011: 189]. В художественных произведениях дальневосточных

⁵ Шумейко Г. Гастрономический уклон // Зейские огни. 1999. 3 дек.

авторов политические партии и политики, их представляющие, чаще всего изображаются в ироническом ключе, герои не воспринимают их всерьёз. «*Ты еще не катал тачку, / не жевал пайку? / Так голосуй за КПРФ!*» — читаем у А. А. Пчёлкина [Пчёлкин, 2000: 58]. Т. Ф. Алёшина так описывает будни приморского телевидения 1990-х: «*в шикарных интерьерах в студии то Жириновский кричит, то Явлинский шепчет, то Лебедь, то еще кто-нибудь залетит по пути в Японию*» [Алёшина, 2001: 109]. А. В. Гребенюков, отправляя своего героя на митинг, саркастически отзыается обо всех его участниках: и об анархистах-чернознаменцах («*они выкрикивали что-то похабное и непотребное, и капитан-омоновец уже что-то бормотал в рацию, недобро поглядывая на этих то ли сатанистов, то ли придурков*»), и о «*соколах Жириновского*», и о «*местной коммунистической партии, которая... звала к светлому... будущему, где всех ожидают кисельные реки и молочные берега*», но «*каким макаром она это будет делать, тщательно скрывала*» [Гребенюков, 1999а: 217—218]. Здесь же, на митинге, один из активных пенсионеров возмущается: «*...Гайдарчики повыскакивали, как черти из табакерки. Наломали дров*» [Гребенюков, 1999а: 217].

Лирический герой владивостокского поэта А. Р. Радушкевича, не видя разницы между партиями, мечтает самоустраниться от информационного шума, «*лежать часами на кровати*» и «*всек не знать, о чем оратор — / один и тот же каждый год — / то демократ, то консерватор — / по телевизору поет*» [Пять по пятьдесят, 1999: 89]. С ним солидарен лирический герой А. А. Пчёлкина, подчеркивающий свою аполитичность: «*Не коммунист я и не демоплут, / и по царю не парю в ностальгии*» [Пчёлкин, 2000: 48]. О скептическом отношении широких слоев населения к политическим партиям говорят и данные соцопросов как по отдельным регионам, так и по России в целом. Так, например, только 6 % опрошенных в рамках социисследований ИС РАН в 2001 г. назвали участие в деятельности политических партий эффективным способом воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов [Петухов, 2012: 53]. Общероссийские соцопросы Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) РАН на тему «*Без чего, на ваш взгляд, демократия существовать не может?*» показали, что доля респондентов,

считающих важным право выбора между несколькими партиями, в 1998 г. составила 16 %, а в 2003 г. 3 % [Петухов, 2007: 76].

Имена партийных деятелей, возглавляющих местные отделения на Дальнем Востоке России, в художественных произведениях и вовсе обнаружить не удалось. И это неудивительно: по словам Е. В. Буянова, местные филиалы политических партий зачастую представляли собой «аморфные и рыхлые структуры, мало скрепленные уставным и идеологическим единством, без фиксированного членства партийцев в организации»; как правило, это были «либо политические группировки кружкового типа, либо клиенты федеральных политиков, созданные для их поддержки на местах в случае проведения избирательных кампаний» [Буянов, 2011: 190, 201].

«Толпа качнулась, взбурлила, стала разваливаться и редеть»

Еще одной приметой времени стали акции прямого действия — митинги, пикеты, забастовки. *«Поле по шею травой заросло, / а под горой митингует село»*, — читаем у камчатского поэта И. Г. Рычкова⁶. *«Не ходи к площадям — / революции там. / Затолкают, затопчут, затравят...»*, — предостерегает сахалинец Н. А. Тарасов [Тарасов, 1997: 14]. Герой романа хабаровчанина К. А. Партики, увидев на экране телевизора *«то ли пикетирование, то ли полуодхлый митинг»*, спешит переключиться на другой канал [В исключительных обстоятельствах, 1994: 103]. А вот активная пенсионерка в рассказе Т. В. Тутубалиной (сатирический образ) с энтузиазмом участвует в подобных мероприятиях: *«Мне сегодня еще на два митинга успеть надо: один в поддержку Зюганова, второй — в защиту Черепкова⁷»*, — говорит она [Тутубалина, 2007: 75].

⁶ Рычков И. Г. Былина о ВПШ // Изба-Читальня. Литературно-художественный портал. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/408284/> (дата обращения: 28.02.2020).

⁷ В. И. Черепков (1942—2017) — мэр Владивостока в 1993—1994 и 1996—1998 гг., находившийся в конфликте с губернатором Приморья Е. И. Наздратенко и федеральными властями.

В повести А. В. Гребенюкова «Ангел и бес» на городской площади на митинг собирается около двух тысяч человек, включая представителей политических партий: «*В основном, пенсионеры. Правда, толкался народ и помоложе. В небольших кучках врачей и учителей торчали плакаты с надписями: “Отдайте наши деньги!” (Держите карман шире.) “Вон из Кремля!” (Парабежали.) “Культура в загоне”. (Чаво?)*» [Гребенюков, 1999а: 217]⁸. В разгар митинга, когда очередной оратор, воспевая коммунистические идеалы, указывает собравшимся на статую Ленина, у вождя мирового пролетариата обнаруживается неизвестно откуда взявшийся хвост (автор относит это к проделкам беса). Шокированная произошедшим, «*толпа качнулась, взбурлила, стала разваливаться и редеть*», и вскоре все разбежались — «*и профсоюзные деятели, и коммунисты, и жириновцы. А чернознаменцев милиция уже давно замела*» [Гребенюков, 1999а: 218].

Магаданский прозаик В. М. Фатеев описывает митинг без иронии и гротеска, в реалистических традициях: в романе «Город в законе» на площадь выходят медицинские работники, почти полгода не получавшие зарплату. «*Как всегда, среди митингующих находилось немало любопытных, примазавшихся и просто любителей пошуметь*», — добавляет автор. Замгубернатора Чеснокова заверила собравшихся в том, что в ближайшее время задолженность по зарплате будет погашена, хотя «*прекрасно понимала, что это невозможно, так как львиная доля бюджета уже ушла на строительство аффинажки, частного, кстати, предприятия*». Митинг проходил чинно и мирно до тех пор, пока к Чесноковой не подбежал человек, который, выкрикивая ругательства, плеснул ей в лицо из пузырька. Чиновница закрыла лицо руками, охрана скрутила нападавшего, однако, «*не поняв случившегося, группа молодых парней пыталась отбить “террориста”. Блюстители порядка пустили в ход “демократизаторы”, пролетариат, как и положено ему, схватился за булыжники... В потасовку втягивались все новые и новые люди, и вскоре на площади развернулось настоящее побоище*». Боевики, представляющие организацию «Русское национальное единство»,

⁸ Судя по всему, в скобках автор воспроизводит предполагаемую реакцию властей на выдвигаемые требования.

в какой-то момент опрокинули омоновцев, но на помощь им пришли пожарные, направив в толпу «кинжальные струи воды», которые и определили исход схватки. «Это было первое открытое столкновение горожан и власти, — комментирует автор. — Для власти оно больше явилось проверкой силы, для демонстрантов — проверкой решимости. Как ни странно, результатами были удовлетворены обе стороны. Мы можем — понял народ. Мы сильнее — сделала вывод власть. Но добавила — пока» [Фатеев, 1999].

Приморский автор В. О. Авченко в документальном романе «Правый руль» сравнивает акции протеста, проходившие на главной площади Владивостока в 1991-м (в дни августовского путча) и в 2008-м (реакция на «антиправорульное» законодательство). В первом случае, отмечает автор, «никому и в голову не приходило разгонять стихийный митинг. Можно, конечно, всё списать на растерянность властей... Добрые дяди-милиционеры спокойно ходили по улицам без дубинок и пистолетов» [Авченко, 2009: 334]. Через семнадцать лет омоновцы из подмосковного «Зубра»⁹ «били, пинали, “винтили”» горожан, мирно водивших хоровод вокруг новогодней елки («наученный вчера шинами задержаниями, мёрзнувший народ уже не доставал транспарантов и мегафонов», поясняет автор). «Тащили людей в автозаки... Учили любить родину, стукая головами о железные борта отечественных казённых машин. “Спасибо, что не начали стрелять”, — говорили мы потом, вспоминая это воскресенье» [Авченко, 2009: 335]. Анализируя произошедшее на площади, автор приходит к неожиданным выводам: «Хорошо, что приехали “зубры”... Пусть они приедут ещё раз сто. Может быть, тогда откроются глаза у тех, кто не хочет замечать очевидное... Власть — это не добрый дядя-президент в телевизоре. Власть — это пятнисто-камуфлированный омоновец, замахивающийся дубинкой-“демократизатором” и похожий на фашиста из советских фильмов. Хотя сам по себе он, может быть, хороший парень» [Авченко, 2009: 335—336].

⁹ «Зубр» — отряд милиции особого назначения, базировавшийся в г. Щёлково, напрямую подчинявшийся министру внутренних дел и негласно считавшийся спецподразделением по борьбе с «оранжевой угрозой».

Движения автомобилистов, как правило, квалифицируются социологами как движения «одного требования», но автор романа расставляет акценты по-другому: импорт подержанных автомобилей из Японии в постсоветский период становится настолько важным для дальневосточной экономики, что любые ограничительные меры инициируют волну недовольства широких слоев населения. «21 декабря [2008 г.] на площадь вышли даже не автомобилисты. Мы требовали уже не отмены пошлин, а своего права жить на этой земле», — говорит лирический герой романа [Авченко, 2009: 336]. «В условиях нерабочающих институтов согласования протест становился своего рода криком отчаяния, обращённым на самый верхластной иерархии», — заключает исследователь А. П. Коняхина [Коняхина, 2015: 46]. Но этот крик остался без ответа: памятный жителям Владивостока «хоровод вокруг ёлки» в канун нового 2009 г. не привел к отмене «антиправорульных» постановлений.

«Новый мрак, новая несвобода»

Анализ художественных произведений дальневосточных авторов показывает, что эйфория по поводу перехода к демократическим формам и принципам правления в обществе быстро сходит на нет. «...А мы считали, что Свобода / всего нужней, всего важней. / И всё упрямей год от года / её мы звали. Для народа! / Пришла она. Что делать с ней?» — спрашивает А. А. Пчёлкин [Пчёлкин, 2000: 19]. Герой сахалинского писателя А. С. Тоболяка уже в первой половине 1990-х в разговоре с коллегой признается, что не чувствует себя свободным: «Я представлял, что при коммунистах был полный мрак. Но теперь новый мрак, новая несвобода. Тогда давили обкомы, райкомы, цензура, а теперь сволочные деньги... Денежная сущая диктатура, согласен?» [Тоболяк, 1994: 99] О свободе постсоветского образца рассуждает и геройня магаданского прозаика Ю. П. Пензина, которая мысленно полемизирует с противниками советской власти, акцентирующими внимание на перегибах и репрессиях: «Разве это не репрессии, когда, как мухи по осени, мрут люди в нищете, спиваются от безысходности и лежат в петли? Кто их, этих несчастных, считал? А ведь ни войны

не было, ни мора. Кричат: зато свобода, говори и делай, что хочешь! Конечно, держи карман шире! С нищенской-то копейкой с тобой и рядом никто не сядет и слушать тебя не будет <...> По нынешнему времени — никому ты не нужен» [Пензин, 2001].

Вожделенные демократические институты быстро утрачивают свои позиции в обществе. По словам В. В. Петухова, политические партии в постсоветской России превращаются в форму самоорганизации «элитных групп» и обнаруживают полную неспособность отстаивать общественные интересы [Петухов, 2003: 9]. «Либералы, демократы, борцы за права человека... Чем они яростнее борются, тем хуже мы живем. Раньше вот вроде борьбы не было, да людей среди бела дня не убивали, и с голоду в обмороки дети не падали, и страна была как страна: кто работал или пенсию получал, мог о завтрашнем дне не беспокоиться», — недоумевает герой романа В. М. Фатеева [Фатеев, 1999], и в своих суждениях он не одинок.

Используемые литераторами народные неологизмы, производные от слова «демократ» — «демоплут» (у А. А. Пчёлкина), «дерьмократ» (у К. А. Партыки), а также народное название милицейской дубинки — «демократизатор» (у В. М. Фатеева и В. О. Авченко) красноречиво говорят об отношении широких слоев населения к российской демократии рассматриваемого периода. Социисследования 2000-х гг. показывают, что россияне не разочаровались в демократии, как идее, однако большинство населения различает нормативные представления о демократии и реальное положение дел в российском обществе. Только 15 % респондентов, опрошенных ВЦИОМ в середине 2000-х гг., считали, что за 15 лет в России утвердилась такая демократия, которая соответствует их нормативным представлениям, 37 % ответили, что Россия близка к тому, чтобы стать демократической страной, 33 % заявили, что Россия пока далека от демократии. В общем и целом, 55 % опрошенных были не удовлетворены работой демократии, главной причиной называлась ее низкая эффективность [Петухов, 2007: 76—77].

Если в конце 1980-х — начале 1990-х, «когда взбурлил пображному народ» [Асламов, 1998: 95], демократические институты сами по себе вызывали интерес и поддержку широких слоев населения, то на рубеже веков стало ясно: в российском обществе

могут быть востребованы только *работающие* механизмы и практики. По словам В. В. Петухова, «демократия в понимании подавляющего большинства россиян… должна обеспечивать, во-первых, законность и правопорядок, а во-вторых, реализацию социально-экономических прав граждан, чего в реальности многие наши сограждане не ощущают» [Петухов, 2007: 77].

Отсюда снижение политической активности: значительная часть населения от власти уже ничего не ждет, предпочитая расчитывать на собственные силы. Исследователи констатируют, что в результате трансформаций 1990-х гг. ценности альтруистической солидарности в российском обществе вытесняются ценностями выживания и личного благополучия [Коняхина, 2015: 51]. «*Спасение утопающих происходит тем успешнее, чем активней барахтаются сами утопающие. А на правителей, что прежних, что нынешних, да надо думать и на будущих, надежды не было и нет*», — рассуждает герой повести К. А. Партицы [Партица, 1995: 29]. Сходную позицию выражает и лирический герой романа В. О. Авченко: «*А что я должен делать, по-твоему? Уйти в теплотрассу или упасть в канаву, если я не приемлю сложившийся в стране порядок? Глупо погибнуть, пойдя с булыжником на Кремль? Не дождётесь. Я переживу вас всех. Приспособлюсь даже к этим волчьим условиям. И к любым*» [Авченко, 2009: 318].

Кроме того, по мнению А. П. Коняхиной, причиной пассивности россиян зачастую является «невысокая оценка себя как субъекта изменений и контрагента власти» [Коняхина, 2015: 50]. Об этом пишет и поэт А. А. Пчёлкин: «*Врезали — вытерся, / выдохнул сипло: / раз от правительства, / значит спасибо… / Сядем под деревце / сбоку припёка / дружно надеяться / снова на Бога*» [Пчёлкин, 2000: 19].

Так или иначе, по данным соцопроса ИС РАН, в 2001 г. 60 % респондентов заявили, что вообще не видят эффективных способов воздействия на власть с целью отстаивания своих интересов [Петухов, 2012: 53]. Важно, что сама власть, по словам А. П. Коняхиной, не воспринимается общественным мнением как полноценный, адекватный партнер, с которым можно вести диалог: коррумпированность, некомпетентность и безответственность чиновников становятся притчей во языцах [Коняхина, 2015:

47—48]. Герой романа А. В. Гребенюкова говорит о правителях, «которые воруют целыми алмазными шахтами и нефтяными месторождениями» [Гребенюков, 1999б: 46]. В том же романе оратор на митинге держит речь: «Хочу обратить внимание моих сограждан на кровопийцев, сидящих в Кремле... Продажные чиновники смотрят на Запад. Оттуда, оттуда указывают, как нам жить» [Гребенюков, 1999а: 218]. Лирическая героиня владивостокского автора Т. А. Жариковой считает, что власти ставят эксперимент на собственном народе: «Острые шипы власти вонзаются в тело народа так, что впору клечами вытаскивать. Терпению моего соотечественника можно позавидовать. Выносливости — удивиться» [Жарикова, 1996: 58—59]. В рассказе приморца А. В. Стогнега, как и у целого ряда его коллег, применительно к политикам звучит мотив клоунства: «...Разрушительным валом прокатились лихие девяностые по многострадальной России, запущенные иудушкой меченым и продолженные клоуном-алкашом, обещавшим лечь на рельсы»¹⁰ [Стогней, 2018: 91]. Герой романа Ю. С. Рытхэу размышляет: «Наверное, за всю историю России народ никогда не был так равнодушен к власти, не презирал так называемых “народных избранников”, как нынешних думцев» [Рытхэу, 2002: 341]. А. В. Бочинин и вовсе заключает, что «Русью правят сатана»¹¹.

Наконец, целый ряд литераторов приходит к выводу, что власть в России всегда была далека от народа. «Как и во дни престольные, / застойные, / народ для всех правителей — чужак», — скептически замечает камчатский поэт Е. И. Сигарёв [Сигарёв, 1992: 28]. «А уж нам / и впрямь до фени / все паханы и вожди: / Горбачёв ли, Ельцин, Ленин.../ блага всё равно не жди» [Пчёлкин, 2000: 30], — соглашается с коллегой А. А. Пчёлкин, добавляя: «Всем — и давно! — начихать на народ» [Пчёлкин, 2000: 49]. «Не было ещё такой власти в России, чтобы при ней хорошо народу жилось», — резюмирует А. В. Гребенюков устами своего героя [Гребенюков, 1999а: 210].

¹⁰ Судя по описанию, в отрывке речь идет о М. С. Горбачёве и Б. Н. Ельцине.

¹¹ Поэт-изгой Анатолий Бочинин.

Заключение

В художественных текстах, вышедших из-под пера дальневосточных авторов, мы видим, как «демократический романтизм» рубежа 1980—1990-х гг. быстро сменяется разочарованием, прежде всего потому, что демократические институты оказались не в состоянии обеспечить реализацию важнейших потребностей жителей региона, который по основным показателям социально-экономического развития и преступности в России был аутсайдером. Резкое падение уровня жизни большинства населения и разгул криминала подорвали доверие к демократическим процедурам и институтам. Радикальные реформы привели к потере миллионов рабочих мест, разрушению основ социальной жизни (безопасности, трудовой занятости, систем ЖКХ, образования и здравоохранения). Жители Дальнего Востока в массовом порядке покидают регион, «голосуя ногами» — сокращение населения тихookeанских окраин в постсоветский период стало более реальной практикой, чем формальный институт выборов.

Дальневосточные литераторы свидетельствуют, что на рубеже столетий политические баталии и предвыборные кампании воспринимаются многими гражданами как срежиссированный спектакль или цирк, вновь формирующиеся политические партии вызывают недоумение, акции прямого действия постепенно теряют популярность. Короткие всплески политической активности, такие как протесты против «антиправорульного» законодательства, всё чаще наталкиваются на глухую стену равнодушия федеральной власти, укрепляя дальневосточников в убеждении: отстаивать свои интересы с помощью классических демократических институтов в постсоветской реальности очень сложно, практически невозможно. Как результат — значительная часть жителей региона предпочитает опираться на собственные силы (или надеяться на Всевышнего), не желая вступать в диалог с властью, которая, по их мнению, не в состоянии выступать адекватным контрагентом.

При анализе дальневосточной художественной литературы, изданной начиная с 1992 г. и вплоть до конца 2010-х гг., нам не удалось обнаружить ни одной ясно, чётко и недвусмысленно выраженной положительной оценки эффективности действующих

в стране механизмов взаимодействия общества и власти — таких как выборы, референдумы, акции прямого действия (митинги, пикеты и пр.), деятельность политических партий.

Очевидным представляется критический настрой дальневосточных литераторов по отношению к власти в целом. Можно предположить, что определенную роль в этом сыграло падение статуса писателя в российском обществе. Если в позднесоветский период литераторы представляли собой полупривилегированную социальную группу, то в постсоветской реальности зарабатывать на жизнь исключительно литературным трудом становится невозможно, писательство превращается в хобби с негарантированным доходом (исключения есть, но они единичны и на территории Дальнего Востока отсутствуют) (подр. см.: [Волкова, 2019: 114—126]). Это приводит литераторов (прежде всего тех, кто имел опыт работы в условиях позднесоветской системы) к латентному конфликту с властью, который находит свое выражение в художественных текстах. В то же время писатели на дальневосточной периферии в период радикальных реформ не были оторваны от народа, а боролись за выживание вместе с миллионами россиян из других социальных групп. И с высокой долей вероятности можно предположить, что позиция авторов художественных произведений, в общем и целом, отражала мнение широких слоев населения, что подтверждают и данные социисследований.

Список источников

- Авченко В. О. Правый руль. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. 352 с.
- Алёшина Т. Ф. Жизнь удалась! Владивосток: [б. и.], 2001. 128 с.
- Асламов М. Из зимы // Дальний Восток. 1998. № 9. С. 93—102.
- Буянов Е. В. Становление и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока России (1988—1995 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 264 с.
- В исключительных обстоятельствах: сборник / ред.-сост. Р. Павлова. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1994. 543 с.
- Волкова Е. С. Трансформация социальной группы деятелей культуры на Дальнем Востоке России в постсоветский период (на примере литераторов) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 23. С. 114—126.

- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Гребенюков А.* Ангел и бес (продолжение) // Дальний Восток. 1999а. № 5—6. С. 171—219.
- Гребенюков А.* Ангел и бес (окончание) // Дальний Восток. 1999б. № 7—8. С. 15—71.
- Жарикова Т.* В проёме... Владивосток: Приморское общество книголюбов, 1996. 68 с.
- Ионин Л. Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.
- Кара-Мурза С. Г.* Государственная политика в духовной сфере: задачи и провалы // Государственная политика и управление современной России в сфере идеологии, мировоззрения, религии, пропаганды, культуры и воспитания. Материалы научного семинара. М.: Начальный эксперт, 2012. Вып. 2. С. 6—17.
- Князев Л. Н.* Зов океана // Дальний Восток. 1996. № 9—10. С. 90—131.
- Ковалевская Ю. Н.* Практики выживания населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.: проблемы изучения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4. С. 64—70.
- Коняхина А. П.* Практики гражданского участия на российском Дальнем Востоке. От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 38—55.
- Коняхина А. П.* Власть как контрагент: случай российского Дальнего Востока (1985—2014 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4. С. 43—54.
- Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. С-Пб.: Искусство-СПБ, 2002. 768 с.
- Мотрич Е. Л., Найден С. Н.* Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47—67.
- Партика К. А.* Последний житель // Дальний Восток. 1995. № 3—4. С. 9—58.
- Пензин Ю. П.* К Колыме приговорённые. Магадан: МАОБТИ, 2001. 363 с.
- Петухов В. В.* Общественная и политическая активность россиян: характер и основные тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 5—6. С. 4—13.
- Петухов В. В.* Демократия участия в современной России // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 73—90.

- Петухов В. В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 48—60.
- Пчёлкин А. А. Непогодь: Стихи перестроенных лет. Магадан: МАОБТИ, 2000. 94 с.
- Пять по пятьдесят: стихи. Владивосток: Приморское общество любителей книги, 1999. 94 с.
- Рытхэу Ю. Чукотский анекдот. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. 352 с.
- Рычков И. Г. Былина о ВПШ. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/408284/> (дата обращения: 28.10.2021).
- Семенчик В. В. Качает ветер лодочку: стихи разных лет. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. 144 с.
- Семенчик В. В. Консультант по любым вопросам: Избранная проза. Владивосток: Рубеж, 2016. 528 с.
- Сигарёв Е. Прощание с эпохой // Дальний Восток. 1992. № 4. С. 26—28.
- Соколов А. К. Наука, искусство и социальные реалии минувшего столетия // Отечественная история. 2002. № 1. С. 60—72.
- Стогней А. Полевое // Литературный Владивосток. 2018. Осень. С. 89—97.
- Сувид И. Вступайте в партию поэтов!.. // Дальний Восток. 1995. № 3—4. С. 148—150.
- Тарасов Н. Окно моё всегда раскрыто... // Дальний Восток. 1997. № 8—9. С. 14—21.
- Тоболяк А. Денежная история // Дальний Восток. 1994. № 10. С. 81—163.
- Тутубалина Т. Владивостокские рассказы. Владивосток, 2007. 220 с.
- Фатеев В. М. Город в законе. Магадан: МАОБТИ, 1999. 257 с.
- Ходжер Г. Я и рождение моих произведений (продолжение) // Дальний Восток. 2011. № 1. С. 192—224.

References

- Avchenko, V. O. (2009), *Pravyi rul'* [Right-hand drive], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
- Aleshina, T. F. (2001), *Zhizn' udalas'!* [Life is good], bez izdatel'stva, Vladivostok, Russia.
- Aslamov, M. (1998), 'Out of winter', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 9: 93—102.
- Buyanov, E. V. (2011), *Stanovlenie i razvitiye mnogopartiinosti na iuge Dal'nego Vostoka Rossii (1988—1995 gg.)* [Formation and development of a multi-party system in the south of the Russian Far East

- (1988—1995)], *Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet*, Blagoveshchensk, Russia.
- Fateev, V. M. (1999), *Gorod v zakone* [City in law], Magadanskaia oblastnaia tipografia, Magadan, Russia.
- Gadamer, Kh.-G. (1988), *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki* [Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics], in Bessonov, B. N. (tot. ed. and intr. art.), *Progress*, Moscow, Russia.
- Grebnyukov, A. (1999a), ‘Angel and demon (continued)’, *Dal’ni Vostok* [Far East], no. 5—6: 171—219.
- Grebnyukov, A. (1999b), ‘Angel and devil (ending)’, *Dal’ni Vostok* [Far East], no. 7—8: 15—71.
- Hodger G. (2011), ‘Me and the birth of my works (continued)’, *Dal’ni Vostok* [Far East], no. 1: 192—224.
- Ionin, L. G. (2000), *Sotsiologiya kul’tury: put’ v novoe tysiacheletie* [Sociology of Culture: the Way to the New Millennium], Logos, Moscow, Russia.
- Kara-Murza, S. G. (2012), ‘State policy in the spiritual sphere: challenges and failures’, *Gosudarstvennaia politika i upravlenie sovremennoi Rossii v sfere ideologii, mirovozzreniia, religii, propagandy, kul’tury i vospitaniia: materialy nauchnogo seminara* [State policy and management of modern Russia in the field of ideology, worldview, religion, propaganda, culture and education: scientific seminar materials], Nauchnyi ekspert, Moscow, Russia, iss. 2: 6—17.
- Knyazev, L. N. (1996), ‘The call of the ocean’, *Dal’ni Vostok* [Far East], no. 9—10: 90—131.
- Kovalevskaya, Yu. N. (2011), ‘Population survival practices in the conditions of market reforms of the 1990s: problems of study’, *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia* [Ecumene. Regional studies], no. 4: 64—70.
- Konyakhina, A. P. (2014), ‘Practice of civil participation in the Russian Far East. From private interest to public politics: in search of solidarity’, *Rossiia i ATR* [Russia and the Pacific], no. 4: 38—55.
- Konyakhina, A. P. (2015), ‘Power as a counterparty: the case of the Russian Far East (1985—2014)’, *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia* [Ecumene. Regional studies], no. 4: 43—54.
- Lotman, Yu. M. (2002), *Istoriia i tipologiya russkoi kul’tury* [History and typology of Russian culture], Iskusstvo-SPB, St. Petersburg, Russia.
- Motrich, E. L. and Nayden, S. N. (2009), ‘Migration processes in the socio-economic development of the Russian Far East’, *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial Economics], no. 2: 47—67.

- Partyka, K. A. (1995), ‘Poslednii zhitei’’ [Last resident], *Dal’ni Vostok* [Far East], no. 3—4: 9—58.
- Pavlova, R. (ed.) (1994), *V iskliuchitel’nykh obstoiatel’stvakh* [In exceptional circumstances], Dal’nevostochnoe knizhnoe izdatel’stvo, Vladivostok, Moscow, Russia.
- Pchelkin, A. A. (2000), *Nepogod’*: *Stikhi perestroechnykh let* [Bad weather: Poems of Perestroika years], Magadanskaia oblastnaia tipografia, Magadan, Russia.
- Penzin, Yu. P. (2001), *K Kolyme prigovorennye* [Condemned to Kolyma], Magadanskaia oblastnaia tipografia, Magadan, Russia.
- Petukhov, V. V. (2003), ‘Social and political activity of Russians: character and main trends’, *Monitoring obshchestvennogo mnenii: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], no. 5—6: 4—13.
- Petukhov, V. V. (2007), ‘Participatory democracy in modern Russia’, *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity], no. 1: 73—90.
- Petukhov, V. V. (2012), ‘Civic participation in the context of Russia’s political modernization’, *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], no. 1: 48—60.
- Piat’ po piat’desiat: stikhi* (1999) [Five of Fifty: Poems], Primorskoe obshchestvo liubitelei knigi, Vladivostok, Russia.
- Rychkov, I. G. (1992), *Bylina o VPSh* [Epic about the Higher party school], available at: <https://www.chitalnya.ru/work/408284/> (Accessed 28 October 2021).
- Rytkheu, Yu. (2002), *Chukotskii anekdot* [Chukotka joke], Izdatel’stvo zhurnala “Zvezda”, St. Petersburg, Russia.
- Semenchik, V. V. (2015), *Kachaet veter lodochku: stikhi raznykh let* [The wind shakes the boat: poems of different years], Sakhalinskaia oblastnaia tipografia Iuzhno-Sakhalinsk, Russia.
- Semenchik, V. V. (2016), *Konsul’tant po liubym voprosam: Izbrannaya proza* [Consultant for any questions: Selected prose], Rubezh, Vladivostok, Russia.
- Sigarev, E. (1992), ‘Farewell to the era’, *Dal’ni Vostok* [Far East], no. 4: 26—28.
- Sokolov, A. K. (2002), ‘Science, Art, and Social Realities of the Last Century’, *Otechestvennaia istoriia* [National history], no. 1: 60—72.
- Stogney, A. (2018), ‘The field’, *Literaturnyi Vladivostok*, Autumn: 89—97.
- Suvid, I. (1995), ‘Join the party of poets!..’, *Dal’ni Vostok* [Far East], no. 3—4: 148—150.

- Tarasov, N. (1997), ‘My window is always open...’, *Dal’niy Vostok* [Far East], no. 8—9; 14—21.
- Tobolyak, A. (1994), ‘Monetary story’, *Dal’niy Vostok* [Far East], no. 10: 81—163.
- Tutubalina, T. (2007), *Vladivostokskie rasskazy* [Vladivostok stories], Vladivostok, Russia.
- Volkova, E. S. (2019), ‘Transformation of the social group of cultural figures in the Russian Far East in the post-Soviet period (on the example of writers)’, *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii Dalnevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], vol. 23: 114—126.
- Zharikova, T. (1996), *V proeme...* [In the opening...], Primorskoe obshchestvo knigolubov, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 29.12.2021.

The article was submitted 18.11.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 29.12.2021.

Информация об авторе / Information about the author

E. C. Volkova — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение РАН, Россия.

E. S. Volkova — Candidate of Science (History), Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the RAS, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.